

материал «Истории русской комедии XVIII века», созданной в трудные для литературоведения сороковые годы, но опубликованной лишь посмертно, он объявлял Княжнина «либералом», но находил, что «антикрепостническая направленность пьесы» ослаблена осуждением землевладельцев и своекорыстных управляющих, а не системы в целом. В то же время он заявлял: «Нельзя забывать, что независимо от субъективных намерений Княжнина его пьеса воспринималась демократической частью зрительного зала гораздо острее, чем это входило в планы автора».¹¹ Большинство из нас согласится с Гейне, что перо гения нередко величественнее, чем сам гений, и что в пьеске Княжнина, конечно, содержится больше, чем он задумал, но нет никакого свидетельства о реакции зрителей на эту пьесу. С другой стороны, хотя П. Н. Берков прямо утверждал: «Против крепостного права как такового Княжнин даже не выступает»,¹² можно поразмышлять над неясной фигурой отца Фирюлина. Он, очевидно, введен как напоминание о «добром барине», почитаемом своими слугами, включая Лукьяна, который знает, по крайней мере, французские слова и благодарит барина за них, и представлен как противовес Фирюлину; он тем не менее потерпел неудачу как отец. Он не сумел побудить сына следовать его примеру или внушить ему те моральные правила и принципы, которые позволили бы ему противиться легкомысленным соблазнам галломании и роскоши. Если «барин», действующий из лучших побуждений, терпит неудачу в воспитании сына, такова же и судьба заботы помещика-отца о своих детях-крестьянах — таким образом обвиняется самая система крепостного права.

Если отвлечься от социально-политических суждений, то весьма мало внимания уделялось разбору характеров или построению пьесы. Пересказ действий — это все, что зачастую предлагается. Что касается действующих лиц, то Фирюлины — помещики, Клементий — приказчик и Лукьян и Анюта — крестьяне-любовники привлекают большее внимание: первые воплощают произвол власти, глупость галломании; второй представлен раболепствующим перед своим хозяином и в то же время использующим ситуацию для удовлетворения собственного вождения и выгоды; третьи воплощают клише любовников-крестьян, простых и верных. Все эти характеры в большой степени шаблонны, и их двойники могут быть обнаружены в других комических операх того времени — как русских, так и французских. Тем не менее «Несчастье от кареты» имеет свои собственные силу

¹¹ Берков П. Н. История русской комедии XVIII века. Л., 1977. С. 208.

¹² Там же.